

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции

А. Донабедян. Семантика аориста в современном армянском языке: инвариантные значения и их контекстные реализации

В современном армянском языке аорист, характеризующийся особой устойчивостью к изменениям, начиная с древнеармянского периода, занимает особое место в системе показателей времени, модальности и аспекта. В отличие от всех остальных временных форм, образующихся с помощью частицы или вспомогательного глагола, аорист имеет синтетическую форму. Цель данной статьи — описать разнообразие контекстуальных значений армянского аориста, не укладывающееся в обобщения, выдвигавшиеся ранее в грамматиках и типологических исследованиях. Опираясь на критерии речевой ситуации (вслед за А. Кюльоли), а не на референциальные критерии (дуративность, темпоральные значения, смена событий, и т. д.), мы установили три параметра, которые позволяют объяснить особенности употребления аориста в современном армянском языке по сравнению с другими временами, а также по сравнению со значениями аориста в других индоевропейских языках.

Ключевые слова: современный армянский, событие, дискурс, нарратив, претерит, аорист, время, аспект, модальность

В. К. Казарян. Индоевропейские истоки образования основ армянского аориста

В данной статье будет рассмотрен аорист, его отличия от презенса и факт сохранения индоевропейской бинарной оппозиции презенса-аориста в древнеармянском языке. Система глагола древнеармянского языка обнаруживает бинарную оппозицию глагольных видовременных основ. Глагольная система древнеармянского языка унаследовала от индоевропейского праязыка противопоставление основ презенса и аориста.

На втором и третьем периодах индоевропейского праязыка, завершается оформление видовременной оппозиции презенс-имперфект-аорист, где темпоральная оппозиция происходит в рамках флексии, а аспектуальная оппозиция — в рамках глагольных основ: а) корневые (сильные, немаркированные) формы аориста для передачи значения протекания действия (импрефективность) получают грамматические маркеры (аффиксация, редупликация и т.д.) и образуют глагольные маркированные основы; б) корневые (немаркированные) основы с дуративным значением в системе презенса, образуют маркированные (редуплицированные, сигматические) основы аориста.

В общеиндоевропейском праязыке развилась формальная и системная оппозиция глагольных основ презенса и аориста, которые противопоставлялись для каждого глагола по отдельности. Этим обусловлено появление в индоевропейском двух типов глагольных основ — маркированного и немаркированного. На их противопоставлении строится видовременная система глагола: маркированному презенсу соответствует немаркированный аорист и, наоборот, — немаркированному аористу соответствует маркированный презенс.

Подобное противопоставление особенно отчетливо проявляется на третьем этапе развития индоевропейского языка, после морфологического оформления в нем категории времени и развития форм имперфекта. Такая оппозиция маркированных и немаркированных форм исключает совпадение корневых основ имперфекта с корневыми основами аориста или редуплицированной основой имперфекта с редуплицированной основой аориста в рамках одного глагола, так как в этом случае становится невозможным формально отличать имперфект от аориста. Это состояние хорошо выражено в древнеиндийском, в какой-то мере в древнегреческом и старославянском. Древнеармянский сохранил и развил подобное бинарное противопоставление, что привело к образованию регулярных глагольных классов, характеризующихся определенными сочетаниями основ презенса и аориста.

Ключевые слова: армянский глагол, видовременная система, индоевропейский аорист, пространство-временная модель, оппозиция глагольных основ, маркированные и немаркированные основы.

Р. Ким. Предыстория древнеармянского слабого аориста

Основы аориста в древнеармянском традиционно разделяются на сильные (корневые) и слабые, характеризующиеся конечным *-c'*. Подавляющее большинство глаголов с формами настоящего времени на *-em* и *-im* образуют слабый аорист с помощью суффикса *-eac'* ~ *-ec'* (e.g. аор. 1 ед. ч. *sirec'i*, 3 ед. ч. *sireac'* 'полюбил' при наст. вр. *sirem*), и лишь несколько — с помощью суффикса *-ac'* (e.g. аор. *asac'i* 'сказал' при наст. вр. *asem*). Слабый аорист от глаголов с формами настоящего времени на *-am* всегда образуется с помощью суффикса *-ac'* (e.g. аор. *yusac'ay* 'надеялся' и *luac'i* 'помыл' при наст. вр. *yusam* и *luanam* соответственно). У немногочисленной группы глаголов слабый аорист образуется с помощью суффикса *-c'*, присоединяющегося к корню без соединительного гласного (e.g. аор. 1 ед. ч. *lc'i* 'наполнил', 3 ед. ч. *elic'*). Происхождение этих суффиксов обсуждается уже больше столетия, но до сих пор не было предложено убедительного объяснения их формы и распределения.

В статье обосновывается гипотеза о том, что слабый аорист восходит к суффиксу **-ā-*, развившемуся из (пост-)праиндоевропейского опатива на **-e-h₂-* и родственному балтославянскому претериту на **-ā-* и италийскому имперфекту на **-ā-*. С помощью этого суффикса от праиндоевропейских продуктивных отыменных и фактивных глаголов на **-eye/o-* образовывался аорист на **-eyā-*. В отличие от общепринятой точки зрения, неодинаковые гласные не подвергались контракции, оказываясь в контактной позиции после выпадения интервокального **y*. Таким образом, суффикс **-eyā-* перешел в дифтонг **ea* и распространился в таком виде на основы аориста почти всех глаголов с формами настоящего времени на *-em* за исключением небольшой группы глаголов с архаичной основой на *-ac'*. Формант **-c^h-* в составе суффикса слабого аориста восходит к праиндоевропейскому суффиксу **-skē/o-*, который распространился с итеративно-интенсивных глаголов на все формы имперфекта и аориста до возникновения нового имперфекта на *-i/y-*. Указанные гипотезы образуют единую модель эволюции древнеармянского глагола, которая также позволяет объяснить реликтовый тип *berem* 'нести', аор. *beri*, и дистрибуцию сильных и слабых основ аориста при назальных основах настояще-

го времени, e.g. аор. *erduay* ‘испугался’ (наст. вр. *erdnum*) vs. аор. *lc'i* ‘наполнил’ (наст. вр. *lnum*).

Ключевые слова: древнеармянский, глагол, настоящее время, аорист, имперфект, праиндоевропейский

Ф. Кортландт. Развитие сигматического аориста в армянском языке

Если сигматические основы аориста были продуктивными в протоармянском и обновляли конревые основы аориста, почему сохранилось так много корневых основ? Для ответа на этот вопрос важно иметь в виду, что было два периода продуктивности сигматического аориста, до и после утраты интервокального **h* из **s*.

Ключевые слова: сигматический аорист, корневой аорист, утрата интервокального **h* из **s*

П. А. Кочаров. К вопросу о происхождении древнеармянских медиопассивных окончаний

В статье рассматривается вопрос о происхождении медиопассивных окончаний древнеармянского языка. Основная сложность диахронического анализа этих окончаний заключается в объяснении форманта *-a-*, отличающего их от активных окончаний. Среди предлагавшихся решений наиболее распространенным является предположение о развии *-a-* из унаследованного ПИЕ окончания 3 л. мн. ч. атематического спряжения **-nto* > **-anto*. Это решение имеет ряд формальных недостатков. В статье приводятся аргументы в пользу альтернативного объяснения, основанного на возведении *-a-* к суффиксу **-eh₂-* в составе переходных глаголов.

Ключевые слова: древнеармянский язык, медиопассивный залог, переходные глаголы, аорист

Г. Мартиросян. Развитие древнеармянского аориста в современных диалектах

Данная статья представляет обзор развития древнеармянского аориста в диалектах с особым вниманием к материалу хам-

шенского, арамо и других периферийных диалектов. Также в статье затронут вопрос об аористном аугменте *e-* и гласном *-a-* в окончаниях I мн. ч. аориста и имперфекта. Рассмотренные парадигмы демонстрируют различия в аналогических изменениях, произошедших в диалектах. Некоторые периферийные диалекты сохранили архаичные черты. Обнаруживается несколько путей развития от древнеармянского к современным диалектам, которые не всегда прослеживаются в среднеармянском. Эпиграфические надписи из северо-восточной части исторической Армении, относящиеся к XI веку и позднее, расходятся со среднеармянским, но находят соответствия в диалекте арамо (Сирия), самом удаленном и изолированном диалекте юго-западного региона.

Ключевые слова: армянская глагольная морфология, среднеармянский, армянская эпиграфика, армянские диалекты, диалектные архаизмы, диалектные инновации

P. Vurda. Окончания аориста и имперфекта древнеармянского языка

Древнеармянские формы аориста восходят к ПИЕ аористу (*elik*'), имперфекту (*eharc*') и «дуративному» имперфекту (*ekeac*').

Как и в славянских языках, окончания древнеармянского имперфекта восходят к **ē̄s-*, имперфекту глагола 'быть', употребляемого либо самостоятельно (*bē̄xъ, ei*), либо в составе перифрастической конструкции (*nesē̄axъ, berei*), первый элемент которой был определен в [Jasanoff 1978, 2003].

Эти окончания демонстрируют ряд инноваций:

а) 1 sg. **-m̄* → **-om*, как в славянских языках: **ē̄sm̄* 'я был' → **ē̄som* (cf. [Bonfante 1942]); этим объясняется утрата конечного назального в древнеармянском). — Причина: возможно, под влиянием личного местоимения **eg₁om*.

б) атематическое окончание 1 sg. **-m* (после гласных) и **-om* (после согласных) → **-som*, снова как в славянских языках: **(e)dōm* 'я дал' → **(e)dōsom*, откуда *daxъ, etu*. — Причина: предположительно, обратная замена 3 sg. **-s-t* > **-s* → **-t* в сигматическом аористе и имперфекте **ē̄st*.

в) В древнеармянском не развилась аналогическая форма **dō-s-* во множественном числе, которая наблюдается в ста-

рославянском *дахомъ*, ср. *edak* ‘мы положили’ ← **(e)d^hames*. Это означает, что форма *etun* ‘они дали’ не идентична старославянскому *daše* ← **dōsnt*, а скорее является поздней аналогической формой, заменившей **etn* < **(e)dont*.

д) После утраты конечного согласного в 2 sg. **(e)b^heres*, **(e)dōs* и 3 sg. **(e)b^heret*, **(e)dōt* для усиления морфологического контраста к этим формам было добавлено личное местоимение: 3 sg. **(e)bere*, **(e)tō* > *eber*, *et*, но 2 sg. **(e)bere-du*, **(e)tō-du* > *berer*, *etur*.

е) После того как аористная форма 1 sg. **ebéro* > **ebér* слилась с 3 sg. **ebére* > *ebér*, первая была заменена на форму имперфекта этого глагола *berí*. В значении имперфекта **berí* было заменено аналогическим новообразованием *beréí*.

ф) Конечный *y* в *keray* ‘я съел’, возможно, развился, когда форма **(e-)g^wera-som* ‘я проглотил’ > **ekéro* ‘я съел’ была преобразована в **kerá-yo* по аналогии с **ei(y)o* ‘я был’, **edí(y)o* ‘я положил’.

г) В имперфекте *ei*, *ēr* ‘я был, он был’, основа *e-* была добавлена к унаследованным формам **ío*, **í* < **ēsom*, **ēt* ← **ēsŋ*, **ēst*; 3 sg. *-r* может отражать старую форму демонстратива.

Медиопассивные окончания рассмотрены менее детально. Поддержан взгляд Г. Клингenschмитта на происхождение тематических гласных *i* в презенсе и *a* в аористе.

Ключевые слова: древнеармянский язык, историческая морфология, глагольная морфология, историческая фонология, избегание омонимии, индоевропейские диалекты, старославянский язык

II. Varia

Ш. М. Аламшоев. Иноязычная фразеология в шугнанском языке

В составе шугнанских фразеологизмов выделяются общеиранские фразеологизмы, исконно-шугнанские фразеологизмы, фразеологические полукальки, заимствованные фразеологизмы фразеологические кальки и полукальки. В сводном словаре фразеологизмов отражены элементы тюркского, арабского и русского происхождения, которые фонетически, грамматически и семантически адаптировались в языке, а исконно шугнанские

фразеологические единицы видоизменяются или вытесняются из употребления.

Ключевые слова: шугнанский язык, фразеологические единицы, кальки, полукальки, заимствования, общеиранские фразеологизмы.

В. А. Бондарь. Семантика перфекта и ее реализация в американском английском

В статье в диахронической перспективе рассматриваются особенности дистрибуции перфекта и претерита в американском варианте английского языка. Преобладание претеритов в контекстах с темпоральными наречиями, в которых в британском английском, как правило, используется перфект в его иммедиатном значении, трактуется как следствие языкового сдвига, происходящего под влиянием субстратной интерференции. Данные процессы возникают в результате ошибочного восприятия категории перфекта носителями других языков при изучении английского как второго языка. Распространению претерита в результативно-иммедиатных контекстах способствует использование темпоральных наречий типа *already*, *yet*, *just* и соответствующих акциональных характеристик глаголов. В процессе гипоанализа семантика контекста приписывается претериту, который приобретает новую функцию выражения результата и тем самым вытесняет перфект из соответствующих контекстов. Перфект, сохраняющий прагматические характеристики (текущую релевантность), используется для выделения определенной важности контекста для говорящего.

Ключевые слова: перфект, претерит, семантика, прагматика, американский вариант английского языка, свободное варьирование

Ю. А. Дзиццойты. Архаизмы в топонимии Осетии: названия пастбищ

В статье рассматриваются топонимы, отражающие скотоводческую терминологию осетинского языка (названия пастбищ), частично или полностью утраченную в современном языке. Значения некоторых из них восстанавливаются путем опроса информантов (*cyrt* 'памятник', *kaert* 'скотный двор'). Другая часть ре-

конструирована с помощью этимологического анализа (**car-* ‘пастбище’, **caevaen* ‘пастбище’). Большинство рассматриваемых терминов не представлено в словарях осетинского языка. Проведенный анализ позволяет не только восстановить утраченную лексему или ее значение, но и уточнить картину пастбищного хозяйства осетин.

Ключевые слова: Осетия, топонимия, этнография, пастбище, межевой знак, реконструкция, этимология

В. В. Козак. Лексические заимствования в глаголическом Уставе Врбника XVI в.

В настоящем исследовании на основании этимологического, семантического, грамматического и количественного анализа лексических заимствований в глаголическом Уставе Врбника (остров Крк, XVI в.) показано, что язык памятника вопреки социально-лингвистическому доминированию латинско-романского суперстрата и наличию многовекового романского субстрата демонстрирует устойчивость к проникновению лексических заимствований. Невысокий уровень лексической интерференции и крайне низкий уровень структурной интерференции характеризуют славяно-романское взаимодействие в сфере функционирования глаголической письменности как незначительное культурное влияние. Это обстоятельство подтверждает тезис об общей противопоставленности романской и славянской письменных культур Далмации и гипотезу о статусе глаголической письменности как культурного «антибалканизма».

Ключевые слова: глаголица, чакавский язык, хорватский язык, XVI век, лексические заимствования, славяно-романские языковые контакты, Устав Врбника, Крк, Кварнер, Далмация.

А. В. Котова. *Veneres Cupidinesque* (Catul. 3. 1)

Статья посвящена анализу выражения *Veneres Cupidinesque* в сагм. 3. 1 Катуллы. Автор статьи подробно разбирает и систематизирует существующие трактовки этого места. Для объяснения *pluralis* в данном случае рассматриваются следующие версии: философская аллюзия, «общее место» александрийской поэзии,

обобщающее множественное число, эллиптическое множественное число, аттракция числа, нарицательное значение, просодическое обоснование. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что использование множественного числа в сагм. 3. 1 обусловлено метрическими соображениями.

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, сагмен 3, множественное число

В. М. Круглов. Об издании неизвестных страниц академического «Словаря русского языка» (1930–1936): общая характеристика архивного материала, правила публикации, пробный фрагмент

Последний период работы над толковым академическим «Словарем русского языка» (1891–1937), который обычно называют «Словарем Грота-Шахматова», относится к первой половине 1930-х годов. В это время начинается работы над исправленным и дополненным переизданием Словаря, которое, как и предыдущее, не было доведено до конца. В Большой Словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН хранятся неопубликованные корректурные экземпляры Словаря, которые интересны тем, что содержат обширные комментарии редакторов. Статья посвящена подробному описанию архивного материала и правилам его предстоящей публикации.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, толковый словарь, словарь Грота-Шахматова, текстология

А. М. Певнов. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине

Ороки (уильта) и орочи являются национальными меньшинствами на российском Дальнем Востоке. С лингвистической точки зрения и те, и другие относятся к числу тунгусоманьчжуроязычных народов. Ороки живут исключительно на Сахалине (сёла Вал, Ноглики, а также город Поронайск), орочи живут небольшими группами в окрестностях города Советская Гавань. Орокский язык находится на грани исчезновения; на орочском, вероятно, уже не говорят. В статье рассматриваются примеры, свидетельствующие о языковых контактах ороков и орочей, ве-

роятно, несколько столетий назад. В основном речь идёт о немногочисленных лексических заимствованиях из ороцкого языка в орокский. Пока удалось найти только одно грамматическое заимствование, причём также из ороцкого в орокский. Особый интерес представляют 5 вариантов ороцкого названия реки Поронай: все они указывают на то, что ороки заимствовали данный гидроним у группы орочей, переселившейся на Сахалин с континента.

Ключевые слова: орокский (уильта) язык, ороцкий язык, исторические контакты, заимствования, гидроним

Н. Д. Светозарова — Этот таинственный Боянус

Жизнь Семёна Карловича Боянуса (1971–1952) была долгой и настолько плодотворной, что можно подумать, будто за этим именем скрываются несколько человек. Он окончил Петербургский университет, был актером и режиссером, изучал историю театра, работал в Институте истории искусств, учился фонетике у Л. В. Щербы и основал вместе с ним Фонетический институт. В 1920-х гг. он изучает фонетику в Лондоне у Д. Джоунза и Л. Армстронг. Преподаёт ряд предметов германского цикла в Ленинградском университете и издает первый учебник английской фонетики для русских. Вместе с В. К. Мюллером создает Англо-русский и Русско-английский словари. В 1934 г. Боянус эмигрирует в Англию, где основывает Школу русского языка и издает учебник русской фонетики, обобщивший достижения русской и британской фонетической науки.

Ключевые слова: С. К. Боянус, Л. В. Щерба, история фонетики, фонетический метод преподавания языков, фразовая интонация, лексикография